

НИКОЛАЙ ШУЛЬГА,

*доктор социологических наук, заместитель
директора ИС НАН Украины, заведующий
отделом социальной психологии Института
социологии, президент Социологической
ассоциации Украины*

Книга о “русской” общине Израиля

Евреи на перепутье. Юбилейный выпуск к
восьмидесятилетию Давида Притала (Принценталя) /
Под ред. Л.Дымерской-Цигельман. – Иерусалим,
2000. – 65/309 с.

Недавно в Иерусалиме вышел сборник “Евреи СССР на перепутье”. Для нас эта книга необычна тем, что издана сразу на двух языках: иврите и русском. Большая часть книги (309 страниц) написана на иврите. А вот объемное (на 65 страниц) вступление, одновременно являющееся и обзорной статьёй, дано на русском языке. В нем кратко передается содержание всех статей на иврите.

Для украинского читателя книга чрезвычайно интересна. Во-первых, нам интересно узнать, как живут наши земляки, вчерашние наши соседи, друзья, знакомые, а для кого-то и родственники, на новом месте.

Во-вторых, хочется понять, не ошиблись ли они в своем выборе, выезжая из Украины, России, других республик бывшего СССР, и как они теперь оценивают свое решение. Если газетные статьи, публицистические рассказы о судьбах отдельных людей, пусть нечасто, но все же появляются, то научных работ, обобщающих настроения, самочувствие, культурные, языковые, самоидентификационные проблемы, социальные и политические тенденции в жизни всей советской и постсоветской еврейской общины в Израиле, почти нет.

В-третьих, и это, вероятно, самое важное для украинского читателя, — книга заостряет внимание на множестве проблем израильского общества, очень схожих с проблемами украинского.

И действительно, разве не актуальны для нас такие вопросы: почему русские евреи в Израиле идентифицируют себя с еврейско-русской культурой? Почему они настаивают на двуязычии? Может ли быть целостным народ, говорящий на разных

языках? Допустимо ли строить модель мультикультурного государства в обществе, состоящем из одного народа? Как объединить расколотое общество? Как соединить традиционные культурные ценности с универсальными?

Говорят, что всякая аналогия хромает, и потому чужой опыт полезен мало. Хотелось бы поспорить с таким утверждением. Опыт других, по-нашему мнению, несомненно полезен, конечно, при условии, что мы его глубоко изучаем, видим различия между условиями, в которых он сложился, и контекстом своей жизни.

Для Израиля так же остро, как и для Украины, стоит вопрос, что собой представляет еврейская культура: является ли она культурой всего общества в целом? Совокупность ли это этнических подкультур, параллельно существующих в стране? Может быть, это культура всего мирового еврейства? По сути, именно так формулируется сегодня вопрос и о культуре украинского общества. Что такое украинская культура? Культура ли это украинцев Украины? Культура ли это всех украинцев на земле? Это культура всех этнических групп в Украине, активно взаимодействующих между собой и составляющих неповторимую духовную систему? Каково будущее многочисленных этнических культур в Украине, и особенно крупнейшей из них — русской? Насколько сильны в Украине тенденции чрезвычайно “патриотической” концепции “плавильного котла”, как далеко готовы власти продвигать идеи этноцентризма? Чем могут обернуться для общества и государства последствия такой активности?

Глубокие и оригинальные размышления по поводу этих проблем можно найти во многих статьях сборника. Так, Э.Лешем и М.Лисак показывают, что несмотря на отсутствие у прибывших из СССР каких-либо этногрупповых стратегий, когда каждый рассчитывал на “вживание” в израильское общество поодиночке, несмотря на прогнозы о неспособности их создать свое сообщество, за последние 7–8 лет в Израиле сформировалась “русская” община со своей разветвленной элитой, политическими, общественными, культурными организациями и СМИ. Кстати, решающим фактором ее оформления в самостоятельный общественный организм было создание собственной политической партии. Потребность в такой партии возникла по той причине, что “русский” израильтянин хотел, чтобы в нем видели такого же гражданина Израиля, как и во всех остальных, что он не меньший патриот, чем другие. Сегодня “русская” община громко заявила о себе и заняла весомое, влиятельное, признаваемое всеми место в жизни полиэтнического, поликультурного, многоязычного израильского общества. Она организовалась, отобрала и закрепила наиболее значимые символы своей русско-еврейской самоидентичности, став самостоятельной в культурном отношении группой. Все это говорит о том, что в современном израильском обществе остро стоит проблема поиска нового консенсуса.

Нам в Украине следует извлечь из этого урок и помнить, что бывает, когда какую-либо многочисленную общину, к тому же с мощным культурным и интеллектуальным потенциалом, “не замечают” или “замечают” недостаточно.

В Израиле и в Украине существуют не только похожие проблемы, но и *очень* похожие, однако с обратным знаком. Скажем, в Украине не решена проблема сосуществования культур и языков украинцев и русских, проживающих вместе не одну сотню лет в Украине, то есть уроженцев одной страны. В Израиле есть проблема взаимоотношений между евреями — уроженцами Израиля, и евреями — прибывшими в страну. И те, и другие идентифицируют себя как евреи; и те, и другие убеждены в том, что они живут на своей родине, хотя и отличаются культурой, родным языком. И для израильского общества последних тридцати лет, и для украинского общества последних пятнадцати лет характерны попытки вести диалог между названными группами. И там, и там диалог развивается достаточно трудно. В Израиле, помимо проблем сближения позиций участников диалога, существует проблема взаимного смыслового понимания в полном объеме. Как отмечается в сборнике, “на протяжении всех трех десятилетий проведения “философского семи-

нара”, в котором почти неощутимо для культурного истеблишмента Израиля участвовали и его “русские” граждане, последние в большинстве своем не овладели ивритом настолько, чтобы передать “столь существенные для взаимопонимания нюансы и оттенки” (стр. 37).

В Украине языковой проблемы для ведения полноценного диалога между украинцами и русскими нет. Украинцы абсолютно адекватно понимают русский язык, вплоть до тончайших его оттенков, а русские Украины в такой же мере понимают украинский язык. Для нас острее стоит не проблема языка, а проблема желания услышать друг друга, проблема поиска формулы решения. К сожалению, ныне преобладает формула реванша: “нас угнетали триста лет, поэтому надо восстановить то, что было раньше. Иначе будут закреплены успехи империалистов”. Здесь не место включаться в нашу украинскую дискуссию. Отметим лишь, что для ее участников было бы полезно прочитать рецензируемый сборник и через диалог в Израиле посмотреть на диалог в Украине. Не исключаем, что многие дискутанты найдут для себя много полезного, в частности, в статьях А.Исаковой, Д.Сегала, Н.Зильберга, В.Ротенберга.

Интересен количественный анализ евреев-иммигрантов из СССР и постсоветских государств, проведенный Марком Куповецким. Как известно, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года евреями себя назвали 1млн. 451 тыс. человек. Вместе с тем, значительное число людей официально продолжали относить себя к другим национальностям, хотя в семье они идентифицировали себя как евреи. Еще одна часть людей принадлежала к выходцам из национально смешанных семей, то есть тех, кто мог самоопределился как еврей, но тоже не попавшая в данные переписи о евреях. Учет всех этих групп позволил автору сделать вывод, что в 1989 году в СССР проживало около 3,3–3,4 млн. лиц, которые могли заявить о своем желании эмигрировать в Израиль. Всего за последние 30 лет из СССР и постсоветского пространства выехало около 1,5 млн. евреев и членов их семей. Около 900 тысяч из них поселились в Израиле, около полумиллиона – в США, 100 тысяч – в Германии, 50–60 тыс. – в Канаде, 20–25 тыс. – в Австралии. Еще около 2 млн. человек могут претендовать на эмиграцию согласно израильскому Закону о возвращении.

Рецензируемая книга поднимает много вопросов, связанных с жизнью евреев в новых независимых государствах. В ней поставлен кардинальный вопрос: “Как долго евреи еще будут жить на постсоветском пространстве?” Ответы на него разделились. Профессор Теодор Фридгут считает, что еврейской жизни здесь суждено быть лишь в течение одного поколения. Этого срока достаточно для того, чтобы они все выехали за пределы стран СНГ. Другие, например, Марк Куповецкий, считают, что несмотря на сокращение численности евреев, они еще долго будут оставаться значимым элементом общественной, политической и культурной жизни новых государств.

Особо следует выделить статьи социологов, в которых представлена панорама жизни евреев в России, Белоруссии и Украине в последнее десятилетие XX века. Проблемы российских евреев рассмотрены в материалах Р.Рывкиной и Л.Гудкова, белорусских – в статье Л.Смиловицкого, а украинских – в разделе, подготовленном Е.Головахой и Н.Паниной. Эти материалы основываются на опросах евреев и всего населения указанных стран, показывая специфику жизни каждой из них. Если в России антисемитизм стал одним из средств, используемых в политической жизни (заявления некоторых депутатов об узурпации евреями верхних эшелонов власти, руководящих позиций в бизнесе, СМИ, использование антисемитизма в риторике некоторых националистических организаций), то в Украине он политиками не используется. Здесь антисемитизм в публичной жизни имеет проявления лишь в выступлениях отдельных органов СМИ.

В книге анализируется история идеологии еврейства в СССР. В 60-е годы основная идея еврейского самосознания выражалась в том, чтобы уехать на свою историческую родину. В 70-е годы идеология усложнилась. Теперь задача заключалась не только в необходимости пространственного перемещения, но и в постижении сути еврейской культуры, признании ее права на существование в СССР, утверждении права евреев на этническую самоидентификацию.

В это же время, по мнению одного из авторов сборника Р.Нудельмана, в Советском Союзе среди евреев формируется идеологическое течение — неосионизм. Оно явилось ответом на разочарование в возможности реформировать Россию и найти способ реализовать там свой социальный потенциал. По своему содержанию неосионизм представлял “облако идеологий”, удерживавшихся вокруг центрального ядра. “Этим ядром была переосмысленная определенным образом библейско-мессианская идея богоизбранности еврейского народа...” (стр.27). В 70-е годы неосионисты привели за собой в Израиль двухсоттысячную алию. Лидеров этого направления характеризовало не диссидентство, а нечто иное — стремление приблизиться к еврейству и его судьбам.

Алия 90-х годов отличалась от предыдущих волн эмиграции из СССР тем, что не несла никакой специфической идеологии Исхода, поскольку происходила из стран, в которых еврейская жизнь не служила предметом давлений, ограничений и запретов.

Стремление понять свою историю и культуру укоренилось и у евреев, оставшихся в СССР. Многие из них начали профессионально изучать еврейскую культуру, историю, язык, что нашло отражение в зачатках формирования в СССР иудаики. В 90-е годы это научное направление не только сформировалось, но и существенно окрепло в новых государствах. Началось формирование школы иудаики на русском языке, которая постепенно упрочивает связи с учеными Израиля.

Сборник выдвигает и другие, не менее важные проблемы.

Ознакомившись с этой книгой, возникает непреодолимое желание прочитать другие сборники этой серии, ближе познакомиться с работами израильских политологов, социологов, философов, о которых мы очень мало знаем и которые, как оказывается, так интересны для нас. Но, чуть поостыв от эмоций, начинаешь думать, а кто их издаст? Кто возьмет на себя труд набора, редактирования, корректирования, а главное, кто все это профинансирует? В общем, как говорят в Украине, “отож бо”.